

Бузинная матушка

Андерсен Г.Х.

Один маленький мальчик раз простудился; где он промочил себе ноги — никто и понять не мог: погода стояла совсем сухая. Мать раздела его, уложила в постель и велела принести чайник, чтобы заварить бузинового чая — отличное потогонное! В это самое время в комнату вошёл славный, весёлый старичок, живший в верхнем этаже того же дома. Он был совсем одинок, не было у него ни жены, ни деток, а он так любил детей, умел рассказывать им такие чудесные сказки и истории, что просто чудо.

— Ну вот, выпьешь свой чай, а потом, может быть, услышишь сказку! — сказала мать.

— То-то вот, если бы знать какую-нибудь новенькую! — отвечал старичок, ласково кивая головой. — Но где же это наш мальчуган промочил себе ноги?

— Да, вот где? — сказала мать. — Никто и понять не может!

— А сказка будет? — спросил мальчик.

— Сначала мне нужно знать, глубока ли водосточная канавка в переулке, где ваше училище? Можешь ты мне сказать это?

— Как раз мне по голенище! — отвечал мальчик. — Но это в самом глубоком месте!

— Вот отчего у нас и мокрые ноги! — сказал старичок. — Теперь следовало бы рассказать тебе сказку, да ни одной новой не знаю!

— Вы сейчас же можете сочинить её! — сказал мальчик. — Мама говорит, что вы на что ни взглянете, до чего ни дотронетесь, из всего у вас выходит сказка или история.

— Да, но такие сказки и истории никуда не годятся. Настоящие, те приходят сами! Придут и постучатся мне в лоб: «Вот я!»

— А скоро какая-нибудь постучится? — спросил мальчик.

Мать засмеялась, засыпала в чайник бузинового чая и заварила.

— Ну расскажите же! Расскажите какую-нибудь!

— Да, вот если бы пришла сама! Но они важные, приходят только, когда им самим вздумается! Стой, — сказал он вдруг. — Вот она! Гляди на чайник!

Мальчик посмотрел; крышка чайника начала приподыматься, и из-под неё выглянули свежие беленькие цветочки бузины, затем выросли и длинные зелёные ветви. Они росли даже из носика чайника, и скоро перед мальчиком был целый куст; ветви тянулись к самой постели и раздвигали занавески. Как славно цвела и благоухала бузина! Из зелени её выглядывало ласковое лицо старушки, одетой в какое-то удивительное платье, зелёное, как листья бузины, и всё усеянное белыми цветочками. Сразу даже не разобрать было — платье ли это, или просто зелень и живые цветочки бузины.

— Что это за старушка? — спросил мальчик.

— Римляне и греки звали её Дриадой! — сказал старичок. — Но для нас это слишком мудрёное имя, и в Новой слободке ей дали прозвище получше: Бузинная матушка. Смотри же на неё хорошенько да слушай, что я буду рассказывать!

Такой же точно большой, покрытый цветами куст рос в углу одного бедного двора в Новой слободке. Под кустом сидели в послеобеденный час и грелись на солнышке старичок со старушкой: старый отставной матрос и его жена. Старички были богаты детьми, внуками и правнуками и скоро должны были отпраздновать свою золотую свадьбу, да только не помнили хорошенько дня и числа. Из зелени глядела на них Бузинная матушка, такая же славная и приветливая, как вот эта, и говорила: «Я-то знаю день вашей золотой свадьбы!» Но старики были заняты разговором — они вспоминали старину — и не слышали её.

— Да, помнишь, — сказал старый матрос, — как мы бегали и играли с тобой детьми! Вот тут, на этом самом дворе, мы сажали садик! Помнишь, втыкали в землю прутики и веточки?

— Да, да! — подхватила старушка. — Помню, помню! Мы усердно поливали эти веточки; одна из них была бузинная, пустила корни, ростки и вот как разрослась! Мы, старички, можем теперь сидеть в её тени!

— Правда! — продолжал муж. — А вон в том углу стоял чан с водою. Там мы спускали в воду мой кораблик, который я сам вырезал из дерева. Как он

плавал! А скоро мне пришлось пуститься и в настоящее плавание!

— Да, но прежде ещё мы ходили в школу и кое-чему научились! — перебила старушка. — А потом нас конфирмовали. Мы оба прослезились тогда!.. А потом взяли за руки и пошли осматривать Круглую башню, взбирались на самый верх и любовались оттуда городом и морем. После же мы отправились в Фредериксберг и смотрели, как катались по каналам в своей великолепной лодке король с королевой.

— Да, и скоро мне пришлось пуститься в настоящее плавание! Много, много лет провёл я вдали от родины!

— Сколько слёз я пролила! Мне уж думалось, что ты умер и лежишь на дне морском! Сколько раз вставала я по ночам посмотреть, вертится ли флюгер. Флюгер-то вертелся, а ты всё не приезжал! Я отлично помню, как раз, в самый ливень, во двор к нам приехал мусорщик. Я жила там в прислугах и вышла с мусорным ящиком, да остановилась в дверях. Погода-то была ужасная! В это самое время пришёл почтальон и подал мне письмо от тебя. Пришлось же этому письму прогуляться по белу свету! Как я схватила его!.. И сейчас же принялась читать. Я смеялась и плакала зараз... Я была так рада! В письме говорилось, что ты теперь в тёплых краях, где растёт кофе! Вот-то, должно быть, благословенная страна! Ты много ещё о чём рассказывал в своём письме, и я всё это словно видела перед собою. Дождь так и поливал, а я всё стояла в дверях с мусорным ящиком. Вдруг кто-то обнял меня за талию...

— Да, и ты закатила ему такую звонкую пощёчину, что любо!

— Ведь я же не знала, что это ты! Ты догнал своё письмо! Какой ты был бравый, красивый, да ты и теперь всё такой же! Из кармана у тебя торчал жёлтый шёлковый платок, а на голове красовалась клеёнчатая шляпа. Такой щёголь! Но что за погодка стояла, и на что была похожа наша улица!

— Потом мы поженились! — продолжал старый матрос. — Помнишь? А там пошли у нас детки: первый мальчуган, потом Мари, Нильс, Петер и Ганс Христиан!

— Как все они повзросли и какими стали славными людьми! Все их любят!

— Теперь уж и у их детей есть дети! — сказал старичок. — И какие крепыши наши правнуки!.. Сдаётся мне, что наша свадьба была как раз в эту пору.

— Как раз сегодня! — сказала Бузинная матушка и просунула голову между старичками, но те подумали, что это кивает им головой соседка. Они сидели рука в руку и любовно смотрели друг на друга. Немного погодя пришли к ним дети и внучата. Они-то отлично знали, что сегодня день золотой свадьбы стариков, и уже поздравляли их утром, но старички успели позабыть об этом, хотя отлично помнили всё, что случилось много, много лет тому назад. Бузина так и благоухала, солнышко садилось и светило на прощанье старичкам прямо в лицо, разрумняивая их щёки. Младший из внуков плясал вокруг дедушки с бабушкой и радостно кричал, что сегодня вечером у них будет пир: за ужином подадут горячий картофель! Бузинная матушка кивала головой и кричала «ура» вместе со всеми.

— Да ведь это вовсе не сказка! — сказал мальчуган, когда рассказчик остановился.

— Это ты так говоришь, — отвечал старичок, — а вот спроси-ка Бузинную матушку!

— Это не сказка! — отвечала Бузинная матушка. — Но сейчас начнётся и сказка! Из действительности-то и вырастают чудеснейшие сказки. Иначе бы мой благоухающий куст не вырос бы из чайника.

С этими словами она взяла мальчика на руки; ветви бузины, покрытые цветами, вдруг сдвинулись, и мальчик со старушкой очутились словно в густой беседке, которая понеслась с ними по воздуху. Вот было хорошо! Бузинная матушка превратилась в маленькую прелестную девочку, но платье на ней осталось то же — зелёное, всё усеянное белыми цветочками. На груди девочки красовался живой бузинный цветочек, на светло-русых кудрях — целый веночек из тех же цветов. Глаза у неё были большие, голубые. Ах, она была такая хорошенькая, что просто загляденье! Мальчик поцеловался с девочкой, и оба стали одного возраста, одних мыслей и чувств.

Рука об руку вышли они из беседки и очутились в саду перед домом. На зелёной лужайке стояла прислонённая к дереву тросточка отца. Для детей и тросточка была живая; стоило сесть на неё верхом, и блестящий набалдашник стал великолепной лошадиной головой с длинной развевающейся гривой; затем выросли четыре тонкие крепкие ноги, и горячий конь помчал детей вокруг лужайки.

— Теперь мы поскачем далеко-далеко! — сказал мальчик. — В барскую усадьбу, где мы были в прошлом году!

И дети скакали вокруг лужайки, а девочка — мы ведь знаем, что это была сама Бузинная матушка, — приговаривала:

— Ну, вот мы и за городом! Видишь крестьянские домики? Огромные хлебные печи выступают из стен, словно какие-то исполинские яйца! Над домиками раскинула свои ветви бузина. Вот бродит по двору петух! Знай себе разгребает сор и выскивает корм для кур! Гляди, как он важно выступает!.. А вот мы и на высоком холме, у церкви! Какие славные развесистые дубы растут вокруг неё! Один из них наполовину вылез из земли с корнями!.. Вот мы у кузницы! Гляди, как ярко пылает огонь, как работают тяжёлыми молотами полунагие люди! Искры сыплются дождём!.. Но дальше, дальше, в барскую усадьбу!

И всё, что ни называла девочка, сидевшая верхом на палке позади мальчика, мелькало перед их глазами. Мальчик видел всё это, а между тем они только кружились по лужайке. Потом они отправились в боковую аллею и стали там устраивать себе маленький садик. Девочка вынула из своего венка один бузинный цветочек и посадила его в землю; он пустил корни и ростки и скоро вырос большой куст бузины, точь-в-точь как у старичков в Новой слободке, когда они были ещё детьми. Мальчик с девочкой взяли за руки и тоже пошли гулять, но отправились не на Круглую башню и не в Фредериксбергский сад; нет, девочка крепко обняла мальчика, поднялась с ним на воздух, и они полетели над Данией. Весна сменялась летом, лето — осенью и осень — зимою; тысячи картин отражались в глазах и запечатлевались в сердце мальчика, а девочка всё приговаривала:

— Этого ты не забудешь никогда!

А бузина благоухала так сладко, так чудно! Мальчик вдыхал и аромат роз и запах свежих буков, но бузина пахла всего сильнее, — ведь её цветочки красовались у девочки на груди, а к ней он так часто склонялся головою.

— Как чудесно здесь весной! — сказала девочка, и они очутились в свежем, зелёном буковом лесу; у их ног цвела душистая белая буквица, из травки выглядывали прелестные бледно-розовые анемоны. — О, если бы вечно царил весна в благоухающих датских лесах!

— Как хорошо здесь летом! — сказала она, и они пронеслись мимо старой

барской усадьбы с древним рыцарским замком; красные стены и фронтоны отражались в прудах; по ним плавали лебеди, заглядывая в тёмные, прохладные аллеи сада. Нивы волновались, точно море, во рвах пестрели красненькие и жёлтенькие полевые цветочки, по изгородям вился дикий хмель и цветущий вьюнок. А вечером высоко взошла круглая ясная луна, а с лугов понёсся сладкий аромат свежего сена! — Это не забудется никогда!

— Как чудно здесь осенью! — снова говорила девочка, и свод небесный вдруг стал вдвое выше и синее. Леса запестрели красными, жёлтыми и ещё зелёными листьями. Охотничьи собаки вырвались на волю! Целые стаи дичи с криком полетели над курганами, где лежат старые камни, обросшие ежевикой. На тёмно-синем море забелели паруса, а старухи, девушки и Дети чистили хмель и бросали его в большие чаны. Молодёжь распевала старинные песни, а старухи рассказывали сказки про троллей и домовых. — Лучше не может быть нигде!

— А как хорошо здесь зимою! — говорила она затем, и все деревья покрылись инеем; ветви их превратились в белые, кораллы. Снег захрустел под ногами, точно у всех были надеты новые сапоги, а с неба посыпались, одна за другою, падучие звёздочки. В домах зажглись ёлки, обвешанные подарками; все люди радовались и веселились. В деревнях, в крестьянских домиках не умолкали скрипки, летели в воздух яблочные пышки. Даже самые бедные дети говорили: «Как хорошо зимою!»

Да, хорошо! Девочка показывала всё это мальчику, и повсюду благоухала бузина, повсюду развевался красный флаг с белым крестом (датский национальный флаг Даннеброг), флаг, под которым плавал старый матрос из Новой слободки. И вот мальчик стал юношею, и ему тоже пришлось отправиться в дальнее плавание в тёплые края, где растёт кофе. На прощанье девочка дала ему цветок с своей груди, и он спрятал его в псалтырь. Часто вспоминал он на чужбине свою родину и раскрывал книгу — всегда на том самом месте, где лежал цветочек, данный ему на память! И чем больше юноша смотрел на цветок, тем свежее тот становился и сильнее пахнул, а юноше казалось, что до него доносится аромат датских лесов. В лепестках же цветка ему чудилось личико голубоглазой девочки; он как будто слышал её шёпот: «Как хорошо тут весной, летом, осенью и зимою!» И сотни картин проносились в его памяти.

Так прошло много лет; он состарился и сидел со своею старушкой женой под цветущим кустом бузины. Они держались за руки и говорили о былых днях и

о своей золотой свадьбе, точь-в-точь как их прадед и прабабушка из Новой слободки. Голубоглазая девочка с бузинными цветочками в волосах и на груди сидела в ветвях бузины, кивала им головой и говорила: «Сегодня ваша золотая свадьба!» Потом она вынула из своего венка два цветочка, поцеловала их, и они заблестели сначала как серебряные, а потом как золотые. Когда же девочка возложила их на головы старичков, цветы превратились в короны, и муж с женой сидели под цветущим, благоухающим кустом, словно король с королевой.

И вот старик пересказал жене историю о Бузинной матушке, как сам слышал её в детстве, и обоим казалось, что в той истории было так много похожего на историю их собственной жизни. И как раз то, что было в ней похожего, больше всего и нравилось им.

— Да, так-то! — сказала девочка, сидевшая в зелени. — Кто зовёт меня Бузинной матушкой, кто Дриадой, а настоящее-то моё имя Воспоминание. Я сижу на дереве, которое всё растёт и растёт; я помню всё и умею рассказывать обо всём! Покажи-ка, цел ли ещё у тебя мой цветочек?

И старик раскрыл псалтырь: бузинный цветочек лежал такой свежий, точно его сейчас только вложили туда! Воспоминание дружески кивало старичкам, а те сидели в золотых коронах, освещённые пурпурным вечерним солнцем. Глаза их закрылись и, и... да тут и сказке конец!

Мальчик лежал в постели и сам не знал, видел ли он всё это во сне, или только слушал сказку. Чайник стоял на столе, но из него не росла бузина, а старичок уже собирался уходить и скоро ушёл.

— Какая прелесть! — сказал мальчик. — Мама, я побывал в тёплых краях!

— Верю, верю! — сказала мать. — После двух таких чашек крепкого бузинного чая не мудрено побывать в тёплых краях! — И она хорошенько укутала его, чтобы он не простудился. — Ты таки славно поспал, пока мы со старичком сидели да спорили о том, сказка это или быль!

— А где же Бузинная матушка? — спросил мальчик.

— В чайнике! — ответила мать. — И пусть себе там останется!